

Отзыв официального оппонента

на диссертацию **Хитрова Дмитрия Алексеевича**

«Губернская реформа Екатерины II: изменение внутренних границ и организация пространства государства», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1.

Отечественная история

Диссертация Д.А. Хитрова является фундаментальным исследованием, задача которого состоит в выяснении того, как изменилась система административно-территориального деления внутренних губерний Европейской России в ходе губернской реформы. Актуальность темы исследования, о чем пишет и сам соискатель (с. 10–11), очевидна. Ю.В. Готье писал в 1913 г.: «Попыток дать систематическое исследование реформы 1775 г. доселе не сделано». Диссертант предпринял амбициозную и результативную попытку исследовать эту реформу от ее фундамента: постичь процесс картографирования и изменений в территориальном делении империи.

Во вводной части диссертант подчеркивает, что в основу его исследования положены принципы историзма и научной объективности, которые выражаются в научной критике источников, анализе изучаемых явлений на относительно небольшом хронологическом промежутке времени, что позволяет сосредоточить внимание на ускользавших от предыдущих историков деталях. В то же время, исследование административно-территориальной реформы базируется на концептуальном представлении Л.В. Милова о России XVII–XIX вв. как обществе с ограниченным объемом совокупного прибавочного продукта. Отдельного анализа заслуживает описание методики исследования и масштаба проделанной работы: установление координат определенного объекта (точек), количество которых составляет около 1,5 млн. и включение их в пространственную модель представляет собой длительный и трудоемкий процесс; продолжением его

являлось составление карт 1792 и 1770 гг., на основании которых и осуществлялось выявление изменений административно-территориального деления.

В обширной первой главе подробно исследована литература вопроса: Д.А. Хитров представил основные этапы и достижения в изучении картографии в России с середины XIX до начала XXI столетия. В первом параграфе (с. 29–68) диссертант констатирует, что до настоящего времени наиболее подробные карты административного деления Российской империи кануна реформы 1775 г. создал Ю.В. Готье еще в 1913 г. Опираясь на работы своих предшественников, диссертант в целом верно определяет тематику этих исследований, большая часть которых вплоть до 1970-х гг. покоилась на умозрительных социологических схемах, и лишь незначительная часть работ носила источниковедческий характер. Высоко оценивая работу группы Я.Е. Водарского над картографированием материалов переписных книг 1678 г., диссертант верно отмечает неточности и упущения в результатах их работы – мелкомасштабных схемах, на которых невооруженным глазом заметны искажения, а поуездное деление отражено далеко не везде (Т. 2, с. 293–300).

Второй параграф первой главы диссертации (с. 69–124) посвящен источникам исследования, особенностью которых является наличие массива картографических материалов, существенно отличных друг от друга по методам и целям составления. Диссертант делит картографический материал на три комплекса: так называемые «ландкарты», карты Генерального межевания, и карты и атласы, отражающие промежуточные и итоговые результаты губернской реформы. Справедливо отмечен крайне абстрактный характер инструкций по составлению ландкарт; верно отмечено, что процедуры их составления не предусматривали проверки данных о взаиморасположенности пограничных селений, откуда проистекала условность отраженных на картах уездных границ.

Ценным вкладом в историческую науку является вторая глава диссертации, (с. 125–162) в которой исследовано состояние административного деления империи дореформенного времени. Д.А. Хитров указывает, что ревизский учет и традиция фиксации земельных прав восходили по своему происхождению к писцовым книгам 1620-х гг. Следует согласиться с Д.А. Хитровым в том, что устойчивость уездного деления была обусловлена традицией фиксации земельных прав помещика в Поместном приказе и впоследствии в Вотчинной коллегии в обязательной связи с конкретным уездом (с. 149–150). Диссертант, таким образом, обнаруживает глубокое знакомство с источниками не только XVIII в., но и предшествующих столетий, что позволяет ему создать непротиворечивую схему развития административного деления России.

Автор, опираясь на исследования Я.Е. Водарского, анализирует «ольшанское дело» и межевой конфликт, связанный со строительством Выксунских заводов и приходит к обоснованному выводу о реальности границ между уездами, о которых хорошо знали местное население и имела представление местная администрация. Не лишено вероятности предположение диссертанта о том, что местные жители имели представление о границах всех земель, вовлеченных в хозяйственный оборот или пригодных к хозяйственному использованию (с. 161–162).

Третья глава диссертации (Т. 2, с. 1–273) посвящена реконструкции административного деления, существовавшего до реформы. Диссертант осуществил исследование сотен карт из таких архивных и рукописных собраний, как РГАДА, Отделы рукописей БАН, ГИМ, РНБ, Национального архива Франции. Изощренная методика работы автора требовала соотнесения гидронимов и населенных пунктов исторических карт с гидронимами и населенными пунктами современных карт с помощью средств ГИС. При определении границ между уездами таким образом получены феноменальные результаты, подобные сравнению бассейна реки

Рубежницы на границах Великолукского и Холмского уездов в XIX в. и в настоящее время, когда гидрография бассейна реки изменилась после мелиорации земель (с. 109).

Скрупулезно и тщательно проработана диссертантом проблема чересполосного расположения полков и уездов Слободской губернии – одного из наиболее сложных по составу населения и органам управления административно-территориального образования империи. Анализ 19 карт из собраний БАН и Национального архива Франции и реестра населенных пунктов из собрания ГИМ позволил автору локализовать 772 поселения и заключить, что мнения о массовом проживании в полковых поселениях населения, ведавшегося в уездных администрациях, а также об исключительной чересполосности административного деления преувеличены (с. 199–200).

Выявленные автором особенности административно-территориального деления Симбирской провинции, с одной стороны, коррелируют с имеющимися в науке знаниями о структуре расселения в порубежной зоне между районами новой русской колонизации и областью исторического проживания оседлого татарского населения и кочевий башкир. Д.А. Хитрову в условиях, когда карты Симбирского уезда не отделяют его от Саратовского, удалось показать северную границу Саратовской округи, и, тем самым, определить границы Симбирской и Астраханской провинций дореформенного времени (с. 244–246). Продуктивным представляется использованный автором метод сравнения особенностей расположения гидронимов и поселений степной полосы на картах, относящихся к разным регионам, в данном случае – Нижегородской и Симбирской провинциям (с. 247–252). Чрезвычайно интересные данные были получены при исследовании особенностей картографирования такой территориальной единицы, как «вотчина баронов Строгановых» (с. 262–263).

Глава 4 посвящена системе административного деления накануне реформы (с. 274–331). Сравнительное исследование площади и населенности уездов европейской России позволило диссертанту прийти к важным выводам. Во-первых, впервые была получена точная картина поуездной плотности населения, которая ранее была известна приблизительно. Доказанным представляется факт массового заселения уездов к северу от оборонительных линий, прежде всего, Белгородской черты (с. 284). Примером исключительного по своей результативности анализа картографического материала служит выявление автором анклавов на территориях 29 уездов, большая часть которых располагалась в зоне освоения степных районов юга и юго-востока России (с. 288–289). Важен и промежуточный вывод автора о том, что по мере продвижения на юг размеры уездов становятся все значительнее (с. 290–312). Впечатляют выявленные и суммированные диссертантом диспропорции в населенности провинций и губерний дореформенного времени (с. 313–330).

Глава 5 (Т. 3, с. 1–157) посвящена исследованию административного деления, возникшего в ходе осуществления реформы. Диссертант осуществил свою работу, строго придерживаясь выработанной им методики, включавшей привязку планов Генерального межевания и геометрических карт, определение контрольных точек, позволяющих локализовать границы административных единиц, собственно начертание их границ, анализ «территориальной мозаики» — понятия, введенного диссертантом и обозначающего изменившие свое административное подчинение участки территории уездов (с. 4–5). Последнее понятие приобрело важное значение для оценки сложности и вариативности административной ломки исторических территорий уездов: так, по количеству фрагментов территориальной мозаики автор оценил преобразования в Курском наместничестве как несложные (43 фрагмента), а в Пензенском как интенсивные (с. 80, 126).

В шестой главе (с. 158–200) подведены итоги реализации реформы. Диссертант осуществил исследование интенсивности и сложности административных преобразований, сопоставив территории наместничеств по удельному весу «ядра», лежавшего в их основе, по соответствию населения вновь образованных наместничеств указным нормам, и по соответствию дореформенных и пореформенных границ (с. 166–172).

В заключении подведены итоги диссертационного исследования (с. 201–214). Д.А. Хитров доказал основные положения, выносимые на защиту, встроив сделанные им достоверные наблюдения в контекст концепций эволюции российской государственности, сформулированных в последние десятилетия Л.В. Миловым и Б.Н. Флорей.

Работа столь значительного масштаба не может быть свободна от недостатков, которые суммированы нами в нижеследующих замечаниях. В параграфе 6.4 гл. 6, посвященном переменам в составе городской сети, автор проанализировал процесс упразднения городского статуса старых уездных центров, не обратившись к широко известным данным о численности населения в них (с. 199–200). Констатируя факт «массовой утраты» городского статуса 11-ю псковскими пригородами, автор никак не прокомментировал тот факт, что к середине XVIII в. они практически не имели населения: ни посадского, ни служилого. Сказанное относится и к некоторым другим упраздненным «городам», что позволяет охарактеризовать губернскую реформу не только как радикальное переустройство архаичного административного деления, но и как приведение этого деления в соответствие с реалиями 1770-х гг.

Главное же, принципиальное замечание к диссертации касается объяснения автором состава наместничеств и масштабов территориальных перемен и состоит в следующем. Д.А. Хитров констатирует факт деления страны в ходе реформы на неодинаковые по населению наместничества и объясняет этот факт рядом причин, среди которых: 1) в основу формируемых

наместничеств были положены существующие провинции; 2) реформаторы сознательно отступили от принципа «равенства числа душ» с целью обеспечить доступность губернских центров для населения; 3) реформаторы стремились сохранить в качестве наместничеств губернии, территории которых были недавно включены в состав империи и обладали существенными особенностями в составе населения (с. 176–177). Такая постановка вопроса вполне имеет право на существование и объясняет создание таких малонаселенных губерний Севера, как Архангелогородская и Олонецкая.

С нашей же точки зрения, не менее важно было бы отметить и, самое главное, попытаться объяснить, во-первых, по какому критерию были расформированы десятки провинций, в том числе такие густонаселенные, как отмеченные диссертантом Переяславская, Суздальская, Угличская и т.д., в то время как менее населенные составили ядро наместничеств, и, во-вторых, каков был порядок отбора в качестве региональных центров провинциальных городов? Ответов на эти вопросы в диссертации нет, что в свою очередь не позволило автору в полной мере решить более общую дискуссионную проблему, поставленную им в заключении: «почему реформа, столь серьезно изменившая всю пространственную организацию общества, основанная на сугубо формальном подходе к «новому разделению» территории государства и проведенная чисто административными методами не встретила сопротивления и даже, видимо, не вызвала существенной критики?» (с. 206).

Начнем с описания второй проблемы – порядка отбора в качестве региональных центров провинциальных городов. Существенные отличия в численности населения городов исторического центра России давно отмечены в исторической науке и многократно комментировались в трудах историков-демографов и социальных историков. В качестве примера напомним, что такие уездные города северо-запада России, как Старая Руса и Торопец по численности населения, зафиксированной 2-й и 3-й ревизиями,

приближались к Великому Новгороду и в два-три раза превосходили Псков. Тем не менее, центром наместничества после недолгого и формального пребывания в этом статусе Опочки стал Псков.

Суть же первой проблемы может быть описана следующим образом. Административное ядро наместничеств (с 1796 г. — губерний) составили следующие провинции исторического центра России: Нижегородская, Рязанская, Владимирская, Костромская, Московская, Ярославская, Вологодская, Калужская, Смоленская, Тверская, Новгородская, Псковская. Что объединяло эти провинции, а впоследствии наместничества? Ответ на этот вопрос очевиден: все эти города и «тянувшие» к ним территории в удельную эпоху (XIV–XV вв.) представляли собой великие или удельные княжества и вечевые города-государства (земли). «Стольными» (то есть имевшими княжеские «столы») непродолжительное время были Кострома, Вологда, Калуга.

В XVI–XVII вв. при формировании титула российских царей наименования большей части (девяти из двенадцати) этих городов и земель вошли в состав полного титула: «самодержцу Владимирскому, Московскому, Новгородскому, царю Казанскому, Астороханскому, Сибирскому, государю Псковскому и великому князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иных государств его царского величества, и великому князю Новгорода Низовские земли, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому». Вряд ли стремление сохранить в качестве административных центров наместничеств бывшие «титульные» столицы княжеств и вечевых городов было определяющим, но этот факт явно принимался во внимание реформаторами.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что для ряда этих исторических земель уездное деление было вторичным и никак не влияло на формирование сословных групп. Приведем в качестве примеров Новгородскую и Псковскую земли. Территория Новгородской земли в конце XV–XVII вв.

делилась на уезды, которыми до середины XVI в. управляли наместники, а позже – воеводы. Однако главным административно-фискальным делением Новгородской земли было ее разделение на пятины: по каждой пятине особыми писцами составлялись отдельные кадастры, осуществлялось испомещение детей боярских, хотя служилый город был единым – все дети боярские служили по Великому Новгороду без какого-либо разделения на уезды. Несколько иная ситуация была в Псковской земле: кадастр был единым (хотя территории уездов-пригородов в тексте писцовой книги выделялись), и служилый город был единым – все дети боярские служили по Пскову без разделения на уезды. Не столь однозначная ситуация была в Тверской, Костромской, Рязанской землях, но и там служилые люди издревле «тянувших» к удельной столице уездов осознавали себя единой корпорацией. Коль скоро местные дворянские сообщества в целом сохраняли свое единство в рамках новых наместничеств, поддержка реформы, в ходе реализации которой они получали беспрецедентные права на участие в местном управлении, с их стороны была обеспечена. Таким, в первом приближении, нам видится ответ на поставленный диссертантом вопрос.

Диссертация Д.А. Хитрова, несомненно, представляет собой фундаментальное и новаторское исследование, основанное на широком круге опубликованных и архивных источников. Удачным следует признать выбор основных сюжетных «осей» диссертации: масштабное источниковедческое исследование картографических источников, демонстрация и истолкование сотен авторских карт, умело препарированные и объясненные статистические данные, и как результат – появление впервые в историографии фундаментального исследования пространственного аспекта губернской реформы Екатерины II.

Диссертант со знанием дела осуществил комплексный анализ источников, так, что большинство из них получили объективную оценку. Диссертация стала результатом многолетнего кропотливого труда,

результаты которого представлены на страницах трех монографий и десятков статей.

Отмеченные замечания носят дискуссионный характер и не снижают значения настоящего исследования и его положительной оценки.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация Д.А. Хитрова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, **Хитров Дмитрий Алексеевич** заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук,
директор ФКУ «Российский государственный
архив древних актов», ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

В.А. Аракчеев

27.05.2025

Контактные данные:

тел.: +7 (499) 246-50-91, e-mail: rgada@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 07.00.02 – Отечественная история.

Адрес места работы: ФКУ «Российский государственный архив древних
актов», директор

Тел.: +7 (495) 580-87-23, e-mail: rgada@mail.ru

Подпись Аракчеева В.А. заверяю:

Подпись <i>Аракчеев В.А.</i>
УДОСТОВЕРЯЮ.
Ответственный за работу с кадрами:
<i>Г.М. Мезриков</i>
<i>М.В. Петрова</i>
<i>Л.А. М.А.</i> 20 <i>23</i>